

Людмила

МАРТОВА

КРУИЗ
НА КРАЮ
БЕЗДНЫ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М29

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Я. Клыга*

Мартова, Людмила.

М29 Круиз на краю бездны / Людмила Мартова. —
Москва : Эксмо, 2027. — 320 с.

ISBN 978-5-04-253806-3

Еще год назад Таисия Ермолаева планировала провести отпуск с женихом в речном круизе, но судьба распорядилась по-своему. Он женился на другой, а она, как выяснилось, не так уж сильно его и любила... Пришлось отправиться одной: не пропадать же отпуску после защиты кандидатской. На борту теплохода Таисия столкнулась с новыми людьми, а также встретила старого знакомого. И неожиданно оказалась втянута в расследование: рядом с ней начали умирать люди. Что это — череда случайностей или чья-то тщательно спланированная месть?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© **Мартова Л., 2027**
© **Оформление. ООО «Издательство**
«Эксмо», 2027

ISBN 978-5-04-253806-3

Это очень важно
для себя — знать
от других, что ты
не чепуховый человек.

Юрий Герман.
Дело, которому
ты служишь

Все события вымышлены.
Любые совпадения
случайны

1969 год

Касимов

Речная вода неприятно холодила ноги. Май в этом году не радовал теплом, поэтому вода в Оке все еще была студеной, градусов шесть, не больше. Несмотря на то, что в реку по щиколотки я вошла не больше минуты назад, пальцы ног уже заledenели. Да, на подобное я не рассчитывала, когда готовилась.

Холодной воды я не боялась, конечно. С детства бежала купаться, лишь только сходил снег. Но одно дело, когда температура воды двенадцать градусов, и совсем другое — когда она в два раза меньше. Я поежилась, прикидывая, не ослабла ли моя внутренняя решимость. Нет. Готовность покончить со всей своей глупой, никчемной, не приносящей радости жизнью не стала меньше ни на йоту.

Кстати, кто-нибудь знает, почему девятая буква греческого алфавита, в лингвистическом смысле обозначающая звук «и», метафорически используется как обозначение чего-то очень малого по величине, количеству или степени проявления? Эта глупая мысль пришла мне в голову, и я тут же отогнала ее, как не имеющую никакого значения.

Сейчас не имело значения вообще ничего, кроме моего замысла, если и не преступного, то точно социально порицаемого. На Руси никогда не одобряли самоубийц. Их даже хоронят за оградой кладбища. Впрочем, я была почти уверена, что меня хоронить не придется. Не дам я им такой возможности.

Ног я уже совсем не чувствовала. Нет, так не годится. Они мне понадобятся, чтобы отплыть как можно дальше для воплощения своего замысла. Я в последний раз оглянулась на видневшийся вдалеке город Касимов, в котором прожила всю свою жизнь. На участке реки отсюда до Рязани есть места, где глубина достигает четырнадцати метров. Поэтому я была уверена, что меня не найдут, даже если и станут искать.

Место для осуществления задуманного я выбрала идеально. Ранним утром там совершенно безлюдно и пустынно. Когда я выскальзывала из дома, часы показывали половину четвертого. Домашние еще спали. Муж разметался на постели, я задела его тяжелую ногу, когда перелезала на пол, он пробормотал что-то во сне, переворачиваясь на другой бок. Я замерла. Если разбужу, вся затея насмарку. Нет, кажется, пронесло.

Из комнаты свекрови тоже доносилось ровное, чуть хриплое дыхание. Я снова остановилась, но только на мгновение, не более. За открытой дверью находился человек, от которого я и бежала. У меня просто нет другого выхода, потому что живой эта женщина меня не отпустит. Не потерпит позора, неизбежного, если сноха уйдет от ее драгоценного сыночка к кому-то другому.

Свекровь встает по будильнику в половине седьмого. Несмотря на то что она всегда везде совала свой нос, в нашу с мужем комнату она все же по утрам не вламывалась, а знает, мое исчезновение обнаружит муж, когда проснется. Это

случится в семь утра. Я посмотрела на часы. Начало пятого. Время у меня есть, но надо поторапливаться.

Я сделала шаг, потом второй, третий. Ледяная вода теперь доходила мне до бедер, но по-прежнему не остужала моей решимости. Главное, не встретить рыбаков, способных сорвать мой продуманный до мелочей план. Но нет, еще очень рано, да и слишком холодно.

Мокрая юбка облепила бедра и опутала колени. По-хорошему, ее надо бы снять, но нельзя. Утопленнице негоже быть без юбки. Вот без резиновых сапог, в которых я вышла из дома, другое дело. Их я оставила на берегу в том месте, где вошла в воду. Река теперь обнимала меня за талию. Я наклонилась вперед, легла на воду и поплыла, ритмично совершая аккуратные гребки.

От холода перехватило дыхание, но я сумела справиться с собой и двинулась в свой последний путь, уверенно рассекая водную гладь. Мне нужно проплыть не так уж и далеко до того места, где, по моему плану, закончится мой неудачный брак и вся моя незадавшаяся жизнь. Я была уверена, что справлюсь, просто не ожидала, что объяввший меня холод будет таким всепоглощающим, таким смертным.

Берега Оки по-прежнему были пустынные. Что ж, тем лучше. Некому будет прийти мне на помощь, если я вдруг передумаю и закричу. Некому, да и незачем. Плывла я минут двадцать, а может, тридцать. Часы на запястье давно остановились из-за попавшей в них воды. Что ж, пожалуй, пора. Я перевернулась на спину, чувствуя, как меня тут же подхватывает сильное течение, и до этого помогавшее мне и добавлявшее скорости.

Я отдалась ему, глядя в голубое утреннее небо, особенно прозрачное из-за прохладной весенней погоды. Да, вот то место, которое я просчитала в качестве конечной точки.

Я снова перевернулась в воде, уже не чувствуя холода, шевельнула посиневшими губами, словно шепча молитву, которой не знала, вдохнула побольше воздуха и нырнула в толщу воды, в самую глубину, которая спасительно приняла меня, обнимая и даря долгожданную свободу.

В тот день я умерла.

Наше время

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Москва

При виде теплохода Таисия затаила дыхание. Красавец! Конечно, она и по описанию с картинкой рассчитывала на что-то подобное, но реальность превосходила все ожидания. Трехпалубник «Звездная страна» построили всего-то три года назад. Новый круизный лайнер премиум-класса по своим габаритам и малой осадке проходил по Москве-реке под всеми ее мостами, а главной его фишкой являлся колесный двигатель. Собственно, именно на это Таисия и повелась при выборе речного круиза.

Удовольствие оказалось не из дешевых, поэтому к выбору она отнеслась со всей ответственностью, чтобы за свои деньги получить от путешествия максимум удовольствия. Круиз по Оке, по самому длинному кольцевому водному маршруту, занимавшему шестнадцать суток, был для нее не просто отпуском, а лекарством от разбитого сердца.

Как говорила мама, любая уважающая себя девушка должна периодически разбивать себе сердце. Точнее, мама цитировала свою любимую книгу «Гордость и предубеждение», и фраза эта – «Девушки любят разбивать себе сердечки время от времени. Это дает им пищу для размышлений

и чем-то выделяет среди подруг» — принадлежала отцу главной героини.

Сердце Таисии не то чтобы разбилось, скорее, оно треснуло. Еще год назад она бы ни за что не поверила, что такое возможно. Ее молодой человек, с которым она бок о бок проработала три года в одной юридической фирме и пару лет прожила в одной квартире, в отпуск свозил ее во Владивосток, познакомиться с его мамой, а по возвращении сделал предложение, подарив кольцо с солидным бриллиантом, перешел в статус официального жениха.

Таисия и кольцо и предложение приняла с одобрением, хотя и без особого восторга. Замуж она не стремилась, считая, что сначала нужно закрепить неплохо начавшуюся карьеру. После университета она устроилась в очень солидную компанию, где быстро доросла до заместителя начальника отдела, попутно закончила аспирантуру и дописывала кандидатскую диссертацию.

Собственно, единственным ее условием, при котором она соглашалась считаться невестой, являлось то, что свадьба должна была состояться после защиты, намеченной на следующий год. Заниматься организацией двух таких важных для себя событий одновременно Таисия считала неправильным. Артем, так звали ее жениха, согласился, хотя и неохотно. Он почему-то как раз очень стремился к свадьбе.

— Артюш, ну, штамп в паспорте ничего же не изменит, — говорила она. — Мы с тобой уже два года живем фактически семьей. На работу вместе, с нее вместе, вечера и выходные вместе. Мы уже дважды в отпуск съездили вдвоем, ты в дом к моим родителям вхож, а ребенка я до защиты все равно рожать не планирую, так что куда торопиться.

— Я хочу, чтобы ты была моя и больше ничья, — упрямо твердил он.

Что значит «только моя»? Что значит «ничья»? Таисия искренне не понимала. Она была, если перефразировать кота Матроскина, «сама по себе девочка, своя собственная», и никакой штамп в паспорте изменить этого факта не мог. Даже родители не считали ее собственностью, давно смирились с тем, что дочка довольно рано сепарировалась, квартиру ей купили на поступление в магистратуру, чтобы жила отдельно.

Родителям, кстати, Артем не нравился. Особенно отцу. Нет, папа, разумеется, молчал, потому что признавал право дочери самой решать, с кем ей жить и кого любить. И в путешествие в Санкт-Петербург на пять дней они в самый первый год их совместной жизни ездили, и в загородный родительский дом Артем приезжал с Таисией каждое воскресенье, и футбол они с отцом вместе смотрели, а все равно Таисия, что называется, спинным мозгом чувствовала, что отец Артема недолюбливает.

Ее это смущало, если честно. Между Таисией и ее отцом существовала та особая связь, которая случается только между мужчинами и их ненаглядными дочерьми. Маму Таисия, конечно, очень любила, но никогда они не были особо близки. Мама была функцией, а папа с детства занимал большую часть души. И маленькая, и выросшая Тася знала, что и для него она — самая важная часть жизни. Несмотря на наличие старшего сына, жены, матери, брата и работы, сердцем Александра Николаевича Ермолаева владела дочь с того самого момента, как он впервые взял ее на руки, и навсегда.

У них существовали свои собственные милые традиции, типа ежегодной совместной покупки подарков на Новый год, а также встреч наедине раз в месяц в каком-нибудь новом маленьком ресторанчике, до коих Александр Николаевич был большой охотник. Он выискивал их с азартом настоящего го сыщика, а потом с гордостью показывал дочери. Вот тут

особая атмосфера, тут делают потрясающий коктейль «Винстон», входящий в пятерку самых редких в мире, здесь шикарно готовят сибаса, а вот тут всегда свежие устрицы.

Отец приучил ее любить устриц, и это ее пристрастие Артем не понимал, как ни пытался. Когда они гостили во Владивостоке, Таисия уговорила его съездить с экскурсией на устричную ферму в бухту Воевода. Там она с восторгом слушала экскурсовода, в то время как Артем со скучающим лицом с недоумением и брезгливостью взирал на устриц, морских ежей и гребешков. Не понимал он всю эту склизкую живность.

Таисия тогда даже не заметила этот тихий звоночек, свидетельствующий об их абсолютной разности, которая, как правило, не дает ужиться вместе. И отцовскую настороженность по отношению к Артему списывала на ревность, а не на жизненную мудрость. Нет, ее абсолютно ничего не смущало.

Она продолжала работать, «долизывать» диссертацию, преподавать в университете, куда приходилось ездить по субботам, вечерами смотреть сериалы, уютно устроившись у Артема под мышкой, в воскресенье гостить у родителей и вести ту обычную жизнь, к которой привыкла и которая ее вполне устраивала. Она, оказывается, пропустила свидетельства того, что эта жизнь не устраивала Артема.

Он ушел незадолго до Нового года. Просто собрал свои вещи и буднично сообщил, что влюбился в другую женщину. Та, другая, была на четыре года старше Артема и, соответственно, на шесть лет старше Таисии, занимала должность заместителя генерального директора в их юридической фирме и готовилась стать партнером.

Как и у Таисии, у нее имелась собственная квартира в Москве, правда, не «двушка», а четырехкомнатная, а еще две машины, на одной из которых теперь ездил Артем. В качестве основного козыря имелся еще и папа, работающий

в какой-то из «башен» Кремля, а не заведующим одним из отделений Склифа, как Александр Ермолаев.

Их свадьба была назначена практически сразу, потому что никакая защита диссертации новоиспеченной невесте не мешала. Расписались они в последний день апреля, и на шумную вечеринку по поводу бракосочетания пригласили весь офис. И Таисию тоже. Разумеется, она никуда не пошла. И не потому, что в этот день у нее проходила защита кандидатской диссертации.

Так уж совпало, что Таисия Ермолаева стала кандидатом юридических наук, а Артем женатым человеком в один день – тридцатого апреля. На защите присутствовали лишь папа с мамой, ближайшая подруга Юлька и заведующий кафедрой, к которой Таисия была прикреплена в качестве аспиранта МГУ. Все остальные друзья и коллеги по работе гуляли на свадьбе у Артема и его новоиспеченной жены-начальницы. И это означало, что в ближайшее время Таисии придется перетряхнуть свою жизнь и поменять не только работу, но и друзей-коллег.

Предательство она еще могла простить, лицемерие – нет. Она знала, что жену Артема в офисе не то что не любят, а терпеть не могут. И все-таки не пойти на свадьбу никто не посмел. Побоялись за устроенное сытое будущее. Что ж, ладно. Это личный выбор каждого, а свой Таисия уже сделала.

Папа всегда советовал: никогда не решай сгоряча, а потому швырять на стол заявление об увольнении она не стала. Майские праздники она провела в загородном доме родителей, бездумно качаясь в гамаке. Впереди был отпуск, запланированный еще в прошлом году. Вместе с Артемом запланированный, и отменять его Таисия не стала.

Изначально она хотела потратить эти две недели на собеседования, чтобы найти новую работу, однако неожидан-

но передумала и решила съездить в круиз. Слишком много и усердно она работала последние годы, пока писала диссертацию. Ей просто необходимо отдохнуть, выдохнуть, выкинуть из головы все неприятные мысли, переключиться, называй как хочешь, а потом уже другие новые цели и идти к новым вершинам, коли все старые либо покорены, либо рухнули под напором жизненных обстоятельств.

Прислушавшись к себе, Таисия по привычке научного работника пыталась классифицировать и разложить по полочкам испытываемые ею чувства. Пожалуй, главным из них оказалась досада. Да-да, обычная досада, вызванная сломом привычной схемы и изменением житейского маршрута, который до ухода Артема казался простым и понятным.

После защиты они должны были съездить в отпуск, а потом вернуться и подать заявление в ЗАГС. Свадьба в голове Таисии планировалась на осень, а потом можно было задуматься и о рождении ребенка, даже двух подряд, чтобы за вынужденный перерыв в работе отстреляться и снова вернуться к построению карьеры.

Теперь ни замужество, ни дети, ни карьера в обозримом будущем не просматривались, и Таисию это не удручало, а, скорее, сердило, потому что нарушало построенные планы. Будучи системным человеком, изменения планов она не любила. Досада, а что еще?

Еще было немного противно, что Артем оказался таким банальным. Жена-начальница с ее квартирой, машиной, папой и служебными перспективами... Скучно. И пошло. И неприятно от мысли, что всю эту банальность и пошлость, приущую Артему, она не разглядела за целых три года.

Папа, когда она поделилась с ним своей горечью, пожал плечами:

– Да у него на лице это было написано. Что он крайне ограниченный, если вообще не скудоумный.

– А почему ты мне ничего не сказал? – возмутилась Таисия.

– Ты бы мне не поверила, – покачал головой папа. – Человек сам должен со всем разобратся, дочь. Иначе ему ничьи слова не на пользу.

– А если бы я не разобралась и вышла за него замуж сразу, как он предложил?

– Тасенька, никогда не ври себе. – Папа смотрел строго, но с той всепоглощающей любовью, в которой Таисия никогда не сомневалась. – Ты не кинулась в ЗАГС сразу, как только тебя позвали, именно потому, что интуитивно чувствовала: что-то не так. Все твои объяснения про защиту и нехватку времени – пустые отговорки. Не хотела ты за него замуж. Вот и не вышла. И он это понял, поэтому переключился на другой объект.

– Папа, получается, я его никогда не любила? – Таисия сама не верила, что может говорить ТАКОЕ вслух. – То есть я с самого начала знала, что сумасшедшей страсти не испытываю, но мне это казалось нормальным. Мы взрослые серьезные люди, которым не сносит башню. Но нам хорошо и спокойно вместе. Мы даже не ссорились никогда. А сейчас я страдаю из-за того, что мне предпочли кого-то другого, а еще из-за того, что рухнула привычная жизнь. И все. Я совершенно не грущу, что этот человек не пойдет дальше по жизни рядом со мной. Я моральный урод, да? Я не способна любить?

– Чушь не говори. – Похоже, теперь папа сердился всерьез. – На все ты способна. А как сильно, узнаешь, когда встретишь человека, которого действительно полюбишь.

– Где ж я его встречу? – Таисия вздохнула. – Университет позади, в офисе я всех знаю как облупленных. Да и уйду

я оттуда скоро. Невозможно же ежедневно сталкиваться со счастливыми молодоженами. И вообще, папочка, в двадцать восемь лет сложно встретить кого-то подходящего. Все давно расхватаны и пристроены. А уж с моим критическим умом задача становится вообще невыполнимой. И таких, как ты, больше нет.

– Таких, как я, нет, — согласился папа. — Другие есть. И не говори глупости. Двадцать восемь лет это еще практически детство. А встретить своего человека можно где угодно. Даже в магазине, куда ты за хлебом выскочила.

— Я не выскакиваю в магазин за хлебом, — покачала головой Таисия. — Я и хлеб-то не ем.

Кто-то мог бы подумать, что в круиз по Оке она отправилась для того, чтобы познакомиться с новым мужчиной. Но нет, такой задачи Таисия себе не ставила. Более того, была уверена, что от отпускных знакомств ничего хорошего, в принципе, ждать не стоит.

Обычно в такие недешевые путешествия отправлялись благополучные семейные пары почтенного возраста. Ну или искатели приключений, с которыми у Таисии Ермолаевой не могло быть ничего общего. Ей просто нужно сменить обстановку. Провести две недели вдали от Москвы, в комфортных условиях, с постоянно меняющейся за окном картинкой. Теплоход «Звездная страна» вполне обеспечивал подобную потребность.

Все его семьдесят четыре каюты для путешественников, независимо от категории, были оснащены сануздами и душевыми, а также холодильниками и кондиционерами. В стоимость путевки входило трехразовое питание с вполне приличным меню, скоротать время можно в двух барах, один из которых предлагал великолепный панорамный обзор, а еще в спа-салоне или тренажерном зале. Вдруг это как раз повод начать пользоваться и тем и другим.

Сьют с террасой Таисия себе заказывать не стала, цена на него казалась совсем неподъемной, а вот каюту Делюкс с небольшим балкончиком осилила, решив не экономить на лечении разбитого, точнее, треснувшего сердца. Придирчиво выбрала номер подальше от бара и поближе к сьютам на верхней палубе, разумно предположив, что там останавливаются респектабельные пассажиры, те, что не станут шуметь по ночам. Номер триста восемь.

Теплоход отчаливал от пристани в Северном порту ровно в полночь. Размещение пассажиров начиналось с шести часов вечера, и Таисия прибыла одной из первых. Не хотела терять ни минутки из своего путешествия. Да и в вечерних пробках стоять не желала.

Оказавшись в каюте, она с удовлетворением отметила широкую двуспальную кровать, убедилась, что в ванной комнате есть халат и фен, развесила вещи в шкафу, разместила сумку со всякими мелочами на кресле, оглядела стеклянный столик и маленькое плетеное креслице на узком балкончике, изучила рекламный буклет, гласивший, что ужин сегодня состоится ровно в девять, обошла весь теплоход по периметру, спустившись на среднюю и главную палубы, а потом, захватив книжку, разместилась на одном из шезлонгов на самом верху теплохода, на палубе, называемой солнечной.

В стеганой курточке, привезенной папой из Англии, ей было вполне тепло и комфортно, несмотря на то что день сменялся вечером, и температура, державшаяся на отметке плюс восемнадцать, постепенно начала снижаться. Зато отсюда, сверху, Таисии было хорошо видно остальных прибывающих на теплоход туристов.

Научная работа развила в ней присущую от природы внимательность, а еще Таисия с детства любила наблюдать за людьми, придумывая им внутри своей головы жизнь и био-

графию. Если впоследствии удавалось сравнить свои фантазии с реальностью, получалось очень интересно. Иногда она угадывала, а иногда нет. И к этой своей немного детской страсти Таисия относилась с азартом молодого ученого.

К примеру, вон тот мужчина, который прибыл на теплоход еще раньше ее, причем в полном одиночестве, и теперь стоял, опершись на поручни ограждения, с напряжением вглядываясь в спящих по пирсу людей. Он кто? Внешне смахивает на школьного учителя. Скажем, географии. Лет тридцати пяти – сорока. На человека с большим достатком не похож. И кроссовки потрепанные, и джинсы далеки от фирменных, и куртка, что называется, пожившая, из облезлой, потрескавшейся коричневой кожи, отливающей рыжиной. А путешествует на недешевой «Звездной стране», да еще и в явном одиночестве. Или он просто ждет своего попутчика или попутчицу, оттого и нервничает? Но все равно, откуда у него деньги на этот круиз, который стоит немногим меньше полумиллиона? Ладно, разберемся позже. Пока данных для анализа точно не хватает.

С пирса послышался какой-то шум, и Таисия отвлеклась от невзрачного мужчины, чтобы посмотреть, что там происходит. У трапа выгружалась дама солидных лет в сопровождении простенько одетой женщины помладше. Что ж, богачка, которую спровадили в круиз дети, в сопровождении компаньонки. Сиделка, судя по внешнему виду, даме явно не нужна, а вот наперсница для душевных разговоров и исполнения капризов требуется.

Дама, одетая в бархатный спортивный костюм и широкополую плетеную шляпу, в этот момент задрала голову и уставилась прямо на Таисию. Та вздрогнула от неожиданности, застигнутая за таким неблагоприятным делом, как подглядывание.

– Как там наверху? – требовательно спросила дама. – Не сдувает? Я немного опасюсь, что в мае путешествовать по реке еще холодно.

– Нет, вполне комфортно, – откликнулась Таисия. – Правда, теплоход стоит. На ходу может быть прохладнее.

– Ладно, разберемся, – сообщила дама и ступила на трап, заскрипевший под ее весом. Дама была корпулентной, хотя и двигалась с определенным изяществом. – Будем надеяться, что все эти испытания не зря. Да, Лиза?

– Конечно, Анна Михайловна.

Сопровождающая даму женщина лет тридцати, названная Лизой, вдруг быстро перекрестилась и поплевала через левое плечо. Таисию это позабавило. Как в одном человеке совмещается религия и вера в приметы и ритуалы? Вполне возможно, что объяснялось это какими-то тяжелыми жизненными обстоятельствами. Лиза эта выглядела измученной и как будто усохшей, словно стертой ластиком.

Все в ней было неярким, неброским, каким-то пыльным. Невыразительное лицо даже без намека на косметику. Запавшие глаза, какие бывают у людей, которым приходится часто плакать. Безжизненные волосы, стянутые в скучный хвост. Образ, а точнее его полное отсутствие, дополняли мешковатые голубые джинсы и бесформенная толстовка, не скрывающая худощавость, даже худобу.

Как и мужчина, продолжающий тревожно смотреть на пирс, Лиза совершенно не походила на пассажира дорогого лайнера, отправляющегося в шестнадцатидневное путешествие. Хотя компаньонку обычно никто не спрашивает, куда она хочет ехать, а куда не хочет.

Пожилую даму, названную Анной Михайловной, сопровождали три чемодана, а еще какие-то котомки и коробки. Таисия, сама того не желая, пересчитала их: девять мест.

И как они это все разместят в каюте, интересно. Впрочем, ее это не касалось. Анна Михайловна и Лиза прошествовали внутрь теплохода, улеглась поднятая их прибытием суматоха, и Таисия переключилась на других пассажиров, постепенно поднимающихся на борт.

Молодые семейные пары с детьми. Их оказалось не менее пяти, причем две прибыли хоть и на разных такси, но явно компанией. Совместное путешествие, понятно. И детям веселее, и родителям есть с кем проводить вечера. Несколько взрослых пар от сорока до пятидесяти, путешествующие вдвоем. Выглядели они соответственно ситуации. У женщин были ухоженные лица и дорогая одежда, у мужчин брендовые куртки и очень недешевая обувь, а еще чемоданы всемирно известной фирмы с логотипом на коричневом фоне.

Две гламурные красавицы, примерно одного возраста с Таисией. Надутые скулы и губы, длинные ресницы, словно опухшими опускающиеся на лицо, наращенные волосы и ногти, накачанные попы, обтянутые кожаными лосинами, высокие каблуки. Ну да, эти отправляются в поездку ради выгодного знакомства. Ах, какое же разочарование их ждет! За час ведения наблюдения Таисия не увидела никого, кто подошел бы красавицам ради отпускного романа. Как она и ожидала, ни одного свободного мужчины, не считая тревожного «учителя географии».

Тот, кстати, волновался все больше, то и дело поглядывая на часы. Любопытно, кого он ждет. К пирсу подъехал очередной электромобиль, на котором от здания вокзала подвозили желающих, из него вылез еще один турист – молодой, довольно симпатичный мужчина лет тридцати, одетый неброско, но дорого. Одежду таких марок любил Александр Ермолаев. Папа Таисии был тем еще модником. Вспомнив отца, она невольно улыбнулась.

Надо ему написать, что у нее все хорошо. А еще отправить пару фотографий. Ему будет приятно, что дочка про него помнит.

– Леонид Петрович! Вы же Леонид Петрович, правда же, я не ошибся?

Привлекший внимание Таисии модный парень вдруг бросился к вылезавшему из вновь подъехавшего электромобиля пожилому мужчине, лет восьмидесяти, не меньше. Невысокий, худощавый, он опирался на трость с крупным набалдашником в виде головы льва. Пока водитель доставал его чемодан, точнее старинный кожаный кофр, а сопровождающая его женщина лет пятидесяти терпеливо стояла рядом, он озирался по сторонам, словно искал кого-то. На «модника» взглянул лишь раз и с некоторым недоумением.

– Простите, мы с вами знакомы?

– Нет. Конечно, нет. Просто кто же не знает знаменитого Леонида Петровича Лурье! Я счастлив, что мы с вами будем путешествовать на одном теплоходе. Разрешите сфотографироваться с вами?

Пожилый мужчина решительно отодвинул собеседника тростью.

– Если мы с вами отправимся в одно и то же путешествие, то у нас еще для этого будет масса времени. А сейчас я хотел бы пройти. Мне нужно найти одного человека.

– Да-да, простите. Это я сплеховал.

Модник скорчил виноватое лицо и поспешил к трапу, вложив за собой чемодан. Неведомый Таисии Леонид Петрович, который, оказывается, был чем-то знаменит, еще немного поозирался по сторонам, после чего с легким выражением досады на лице ступил на трап. Интересно, все кого-то ищут.

Впрочем, «учитель географии», тоже наблюдавший за «модником» и отбившим его Лурье, как будто успокоился.